

Władimir Mjakiszew

Шесть "обличий" Литовского Статута : от первопечатного до юбилейного издания (1588-1989)

Acta Polono-Ruthenica 4, 244-255

1999

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Władimir Mjakiszew
Kraków

Шесть „обличий” Литовского Статута – от первопечатного до юбилейного издания (1588-1989)

Объектом настоящего исследования стала книга, которая „внѣ всякаго сомнѣнія” может быть названа „однимъ изъ наиболѣе выдающихся произведений русской старопечати Великаго Княжества Литовскаго”.¹ За два с половиной века деятельной службы обществу и позже как памятник письменности „общеевропейского значения”² Литовский Статут (ЛС) 1588 года увидел свет в полутора десятках своих изданий, переводился на польский и русский языки, был предметом старательного изучения как государственных комиссий³, так и отдельных ученых. Из всего многообразия типографских „обличий” Статута наше внимание привлекли те шесть изданий, что вышли в оригинальной языковой версии - на **мове руско**⁴. Первые три из них - старопечатные - разделяет всего 12 лет, как оказывается, достаточных, чтобы при анализе книг заметить не только разницу в постановке типографского дела, но и тенденции языковой динамики. Рассмотрение же поздних - научных - переизданий Статута дает возможность проследить эволюцию взглядов на правила публикации памятников письма и печати. Потому и представляется важным остановиться на истории, общей характеристике

---

¹ И. И. Лаппо, *Къ вопросу о первомъ изданіи Литовскаго Статута*, „Tauta ir Žodis” 1928, V, s. 45.

² См.: В. Ластоўскі, *Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі*, Коўна 1926, s. 13.

³ Наибольшей активностью статутовой „разработки” в практических целях - для составления Свода законов Западных губерний - отличались в первой половине XIX века многочисленные кодификационные комиссии при II-м Отделении Императорской канцелярии.

⁴ В приложении приведем выдержки из каждого такого издания, воспроизводящие один и тот же фрагмент Статута.

и оценке каждого из „явлений” свода законов **права писаного**.

Так называемая третья редакция *Статута Великого княства Литовского* была утверждена королем Речи Посполитой в январе 1588 года. Привилегию на печатание кодекса получил вице-канцлер Лев Сапега, по поручению которого за дело взялась виленская **друкарна дому Мамоничовь**. Для братьев это был первый официальный заказ такого масштаба – почетный и, видимо, чрезвычайно выгодный, поэтому они сделали все возможное, чтобы 1-е издание ЛС оказалось в судах Великого княжества в срок – до 6 января 1589 г. С учетом широких потребностей в книге, но ограниченных типографских возможностей того времени тираж Статута не мог составить больше тысячи экземпляров.⁵ Бурные исторические события и превратности книжных судеб привели к тому, что ныне известно 23 экземпляра ЛС-1, 6 из них находятся в библиотеках Польши.⁶

Первопечатный кодекс достаточно рано обрел репутацию самого загадочного из статутных изданий. ореол таинственности окружил книгу после того, как в руки С. Линде – первого исследователя ЛС – попал (и впоследствии был подробнее описан⁷) уникальный экземпляр бесследно утраченного позже кодекса из библиотеки графа Суходольского. Статут этот отличался неповторимыми особенностями оформления, не „вписывался” в установившуюся схему изданий и на протяжении почти двух столетий вызывал недоумение специалистов. Детальное сличение приведенной в труде Линде информации с данными Статутов библиотек Польши и России показало, что к 1-му изданию ЛС – одинаковому по набору основного (юридического) текста – Мамоничи делали два варианта введения. В экземпляре Суходольского представлена хроноло-

---

⁵ См.: *Государевъ Печатный Дворъ и Синодальная Типографія въ Москвѣ Историческая справка*, Москва 1903, s. 15.

⁶ Наиболее полный (но, к сожалению, ошибочный в „польской части”) статутный каталог содержится в книге: *Статут Вялікаго княства Літоўскага 1588*, Мінск 1989, s. 531-532. Перечень экземпляров ЛС в фондах польских библиотек приводится в статье: В. Мякишев, *Возвращаясь к проблеме изданий Литовского Статута 1588 года*, „Slavia Orientalis”, 1997, nr 2, s. 299-300.

⁷ S. B. Linde, *O Statucie Litewskim ruskim językiem i drukiem wydanym wiadomości*, Warszawa 1816.

гически первая издательская версия, ставшая основой для последующей доработки – не только оформительской, но и содержательной.⁸

По своему составу ЛС-1 отличается от всех позднейших перепечаток наличием списка **ошмылок** - типографских ошибок - с параллельным указанием правильного написания. В некоторых экземплярах встречаются варианты графические элементы – в гербе вице-канцлера Сапеги (Warsz. BN XVI. F. 561 и Krak. Jag. Cim 8428)⁹ и концовке „закрывающей” реестр (Петербург ГПБ 1.2.7^A и Warsz. Publ. F. 6)¹⁰.

Издание напечатано на бумаге с водяными знаками „Топор”, „Любич”, „Короны”, „Подкова”, „Колосья” и др., выработанной на польских бумажных мельницах – в основном окрестностей Кракова. Исследованные экземпляры заставляют предполагать, что Мамоници сортировали отпечатанные единым набором листы в соответствии с качеством использованной бумаги: пример „показательного”, а может быть, „подарочного” Статута можно увидеть в Национальной библиотеке в Варшаве (XVI. F 561); там же, а еще в библиотеках Кракова и Москвы находятся „обычные” экземпляры кодекса, напечатанные на добротной бумаге среднего качества (BN XVI. 669, Jag. Cim. 8428, РГБ № 3166); и с последней - „второсортной” - разновидностью статутной мамоничевской продукции - книгами на толстой непрозрачной бумаге, подчас лишенной водяных знаков - можно познакомиться в фондах ГПБ (Петербург) 1.2.8, РПБ (Москва) № 3166 и 6446.

Добрых слов заслуживают типографские характеристики 1-го издания. Текст набран старательно, общее количество опечаток не превышает 350¹¹, если считать и те 70, на которые указали Мамо-

⁸ Подробнее см.: В. Мякишев, *Об одной загадке Литовского Статута 1588 года*, „Slavia Orientalis”, 1996, nr 3, s. 385-399.

⁹ В экземпляре Национальной библиотеки стрела, пробивающая руку, направлена снизу вверх, а не наоборот, как следует из гербовников. В экземпляре Ягеллонской библиотеки геральдическая ошибка устранена.

¹⁰ В первом случае это близкая к треугольной геометрическая фигура, заполненная растительным орнаментом, во втором - две параллельно расположенные планки с изображением сложных украшений.

¹¹ В расчет брались заведомо неверные написания - без различающих издания ЛС вариативных форм, допустимых „нормами” „русской мовы”.

ничи в списке **ошибка**. Для гравюр использовались новые доски, специально по этому случаю изготовленные.

Язык ЛС-1 характеризуется высокой степенью „чистоты” - соответствием условным нормам „русской мовы” (прежде всего речь идет о графико-фонетических чертах). Свидетельством тому является небольшой удельный вес отклонений (7 %) от „основных” - доминирующих - правил написания. Текст отчетливо фиксирует следы действия процессов, характеризующих тогдашний этап развития „мовы” (отверждение шипящих, Р и Ц; переход Е в О, Я в Е; изменения в группах согласных и т.п.). По сравнению с другими мамоничевскими изданиями ЛС первопечатное наиболее соответствует белорусской „простомовной манере” письма, „дополненной”, правда, приметами старославянской и древнерусской графики - довольно последовательным и многообразным использованием надстрочных знаков (особенно в первых четырех разделах).

Очень скоро (в 1590/91 гг.¹²), убедившись в большом спросе на кодекс, с ведома Сапеги или на свой страх и риск Мамоничи нелегально повторяют издание Статута. Перепечатка делается „по образцу и подобию” ЛС-1 с демонстративным намерением сохранить верность оригиналу. Попытка, безусловно, удалась, и, пожалуй, единственное, что наглядно указывает на принадлежность книги ко 2-му изданию - это некоторые орнаментальные элементы (концовки) и гравюра с портретом короля, отпечатанные с иных досок.

Замеченные исследователями различия в тексте разных экземпляров ЛС-2 стали причиной затруднений в хронологизации выхода книги в свет и родили гипотезы о вариантном наборе.¹³ На деле же оказалось, что современные ученые „попались в ловушку”, выставленную в свое время самими Мамоничами. В части тиража 2-го издания вновь отпечатанные листы были смешаны с продукцией 1588 года. Сравнительный анализ показывает, что все ЛС-2 делятся на две группы - в первую (напр., экз. РГБ, Москва № 6448 и Czaps.,

---

¹² В научной литературе распространено мнение о позднейшей датировке 2-го издания ЛС - 1592/3 гг. Основанием для перенесения даты выхода книги автору статьи послужили данные филиграноведческого анализа бумаги Статута и других - датированных - изданий Мамоничей начала 90-х годов XVI века.

¹³ См.: V. Raudeiūnas, *Pirmieji Lietuvos Statuto leidimai (1588-1600)*, [w:] *Rusų knygos spausdinimo pradžia ir Lietuva*, Vilnius, V, 1966, s. 119-156.

Кракów 167) входят экземпляры, представляющие собой второе издание в „чистом” виде - от первой страницы до последней, вторую группу образуют книги (напр., Москва, ГИМ, собр. Царского № 7 и Czart. Kraków 1271/III), соединяющие в наборе тетради 1-го и 2-го изданий.¹⁴

Экземпляров ЛС-2 сохранилось немного - 10 (из них в Польше - 4). Водяные знаки на их бумаге - „Остоя”, „Елита”, „Гоздава”, разновидности „Колосьев” и др. - свидетельствуют о том, что Мамониичи находят поставщиков главного типографского сырья ближе, в самом Великом княжестве. Мельницы, расположенные в Узде под Минском и Ловчицах под Львовом, дают 70 % „статуговой” бумаги.

Будучи умелой копией первопечатного образца, 2-е издание сохраняет все его типографские достоинства. А кроме того, исправляет по тексту почти все опечатки из списка **ошибкак**. По количеству допущенных наборщиками и справщиками ошибок - всего 280 - это самое „грамотное” из мамоничевских изданий ЛС.

Старательность в следовании оригиналу 1588 года сказалась и в идентичности языковых характеристик (копия есть копия), хотя по частоте употребления надстрочных знаков 2-е издание заметно уступает 1-му.

В 1600 году Мамониичи повторяют попытку нелегальной перепечатки книги, выбрав в качестве образца экземпляр „смешанного” ЛС-2 и добавив к тексту кодекса приложение - **Трибуналь обователемь Великого княства Литовского**. Знакомство с каждым из сохранившихся донныне экземпляров 3-го издания (25, в польских библиотеках - 3) показывает, что подделка на сей раз получилась намного хуже. Набор сделан в спешке, неровно, с плохим словоделением и „выскакиванием” литер из строки, число ошибок (около 600) в два раза превышает „показатели” ЛС-1 и ЛС-2 - словом, книга рубежа веков является самой небрежной из мамоничевских изданий кодекса.

Статут 1600 года напечатан на бумаге с водяными знаками „Лис”, „Кабан”, разновидности „Любича” и „Топора” и пр. - на три четверти изготовленной на собственном „паперном млыне” Мамо-

---

¹⁴ См.: В. Мякишев, *Возвращаясь к проблеме изданий...*

ничей в Павильне.¹⁵

Печатники частично видоизменили, модифицировали гравюрные доски (с гербом Погони и портретом короля), использовали новые концовки с „жгутовым” орнаментом, но в целом „украшающие” ЛС-3 элементы - заставки, инициалы - несут на себе печать технического износа: видны трещины, сколы углов, нечеткость линий рамки.

Третье издание отличается куда меньшим вниманием к строгому соблюдению фонетико- и морфолого-графических принципов „русской мовы” - нарушает „нормы” в 20 % случаев. В расхождениях с ЛС-1 и ЛС-2 прослеживается тенденция перехода от белорусской „простомовной школы” письма к украинской.¹⁶ Надстрочные знаки в ЛС-3 - за исключением паерика - почти не употребляются.

В XVII веке польский язык вытесняет „русскую мову” из сферы судопроизводства Великого княжества. Статут - уже по-польски - еще долго несет слово закона на эти земли, пока в 1840 году здесь не вводится русское законодательство. Однако памятником права оригинальный ЛС становится раньше - из-за своей языковой формы, ведь „многие из обывателей уже не понимают старинного белорусского языка”.¹⁷

В середине XIX столетия силами Московского Общества Истории и Древностей Российских (МОИИДР) предпринимается попытка публикации письменных раритетов Великого княжества. Издаваемый Обществом „Временник” в 18-й своей книге помещает текст первой - рукописной - редакции Статута 1529 г., а в девятнадцатой книге доходит очередь и до „нового” (четвертого в нашей нумерации) издания ЛС 1588 г.¹⁸ Основой для публикации послу-

---

¹⁵ Таким образом, анализ бумаги всех трех изданий дает представление о закреплённости „сырьевых” источников ЛС за определенными - смещающимися на север - ближе к друкарне - зонами.

¹⁶ Подробнее см.: В. Мякишев, *К лингвистической характеристике расхождений между изданиями Литовского Статута 1588 года*, [в:] *Stowianie Wschodni. Duchowość - Kultura - Język*, pod red. A. Bolek, D. Piwowskiej, A. Rażny, Kraków 1998, s. 261-267.

¹⁷ А. Э. Нольде, *Очерки по истории кодификации местных гражданских законов при графе Сперанскомъ*, вып. 1, Санкт-Петербург 1906, s. 77.

¹⁸ „Временник”, 1854, кн. 19.

жил экземпляр ЛС-3, воспроизведенный гражданским шрифтом и прокомментированный „въ мѣстахъ темныхъ, или гдѣ въ Мамоничевскомъ изданіи встрѣчались погрѣшности”. Необходимые „для исправленія и объясненія” варианты из позднейших списков и переводных печатных текстов кодекса, по обещанию издателей, должны были приводиться в подстрочных сносках, на деле же используется подобная практика чрезвычайно редко.

Секретарь Общества И. Беляев в предисловии уведомляет, что редакция, „принимая во вниманіе историческое и филологическое значеніе статута Литовскаго, какъ памятника того языка, на которомъ писали въ Западной Руси въ XVI столѣтіи, при настоящемъ изданіи старалась передать его по возможности со всею точностію, нисколько не отступая отъ Мамоничевскаго изданія”.¹⁹ Однако уже первые заинтересованные читатели замечают недостатки в публикации. Так, известный славист О. М. Бодянский, ставший преемником И. Беляева по секретарству в Обществе, в письме к П. Шафаріку сетовал: „Посылаю также Вамъ и тѣ книжки «Временника», въ которыхъ помѣщены «Статуты Литовскіе», къ сожаленію, не вездѣ исправно перепечатанные”.²⁰ На ряд существенных - изменяющих юридический смысл - отклонений от оригинала позже указывал И. И. Лаппо²¹.

Ценность „научного” издания МОИИДР в качестве объекта филологического исследования, несомненно, снижают редакторские промахи: нигде не оговорена замена старых букв кириллической печати на новые, игнорируются надстрочные знаки (за исключением „йотирующего” паерика, внесенного в публикации Общества в строку буквой Й), наблюдается своеволие в постановке Ъ и Ь либо пропуск этих букв при раскрытии титл и внесении в строку взметов и т. д.

Казалось бы, подобные погрешности можно осуждать лишь с позиций современных принципов публикации памятников письменности. Но и в то время - середину XIX в. - „опрощенный” под-

¹⁹ Ibidem, предисловіе.

²⁰ *Korespondence Pavla Josefa Šafařika*, vydal V. A. Francev, část 1 (v Praze 1927), s. 201.

²¹ См.: И. И. Лаппо, *Литовскій Статут 1588 года*, т. 1-2, Каунас 1934-38, т. 2, s. III-IV.

ход к передаче особенностей старого письма и набора не был единственным, что доказывают издания К. Ф. Калайдовича и А. Х. Востокова²². Для представленного во „Временнике” Статута, как нам кажется, самым точным определением было бы „издание общеознакомительное”. Имея свои слабые стороны, оно сделало текст кодекса доступным и привлекло к нему внимание.

„Критическое” - пятое - издание ЛС, осуществленное знатком права Великого княжества И. И. Лаппо, имело целью воспроизвести текст свода законов „въ проверенномъ видѣ” - без ошибок каждого из предыдущих издателей. Одновременно ученый пытался свести воедино варианты старобелорусской первопечати, приводя внизу каждой страницы разночтения в изданиях кодексов. Лаппо проделал огромный объем работы, собрав информацию о 34 мамоничевских Статутах и побуквенно считав экземпляры всех трех наборов. Кропотливые усилия, по мнению исследователя, дали возможность „восстановить вполне правильный текст Третьяго Литовскаго Статута, какъ законодательного памятника” с точным воспроизведением „всѣхъ его законовъ и словъ, но безъ указанія всѣхъ особенностей графики послѣднихъ”.²³ В основу публикации был положен „едва ли не наиболѣе исправный” по набору мамоничевский текст. Позднее ученым не составило труда обнаружить, что этот книжный образец принадлежал ко 2-му изданию, что стало поводом для констатации „серьезной ошибки, непростительной для столь крупного историка, опирающегося на достижения европейской методологии и техники исторического исследования”.²⁴ Стоит припомнить о минимальной разнице между 1-м и 2-м изданиями (причем по главному показателю „грамотности” - количеству опечаток - 1-е отнюдь не выигрывает), учесть оригинальную - пусть неоправдавшую себя - концепцию Лаппо об одновременном печатании ЛС (параллельный набор), и резкость представленной оценки станет очевидной. Лаппо был и остается единственным из издателей, кто

---

²² См.: *Собрание русских грамот и договоров*, т. 2, 1819; *Остромирово евангелие 1056-1057 года*, изд. А. Х. Востоковымъ, Санкт-Петербург 1843.

²³ *Ibidem*, s. XXX IV-XXXV.

²⁴ Ю. А. Лабынцев, „*Статут Великого княжества Литовского*” 1588 года - памятник белорусской старопечатной литературы, „*Советское славяноведение*”, 1988, nr 5, s. 78.

взял на себя труд всмотреться в каждое слово мамоничевских кодексов всех трех изданий, хотя и делал он это глазами историка.

Филологические аспекты формально интересовали автора каунасской публикации, но в подходе к лингвистическим интерпретациям ученый все же остается дилетантом. Начав работу по выявлению „различій в графикѣ отдѣльныхъ словъ”, Лаппо ограничил анализ материалом реестра Статута, поскольку уже сами заголовки артикулов наглядно показали, по его мнению, „отсутствіе какой-либо системы правописанія въ старопечатном изданіи Статута, не только въ его различныхъ наборахъ, но и въ одномъ и томъ же”.²⁵ Встречаются также у Лаппо неточности в воспроизведении „под строкою” некоторых лексико-грамматических расхождений издательских вариантов кодекса. Так, 1-му изданию ошибочно приписываются „отклонения” от текста в случаях *таковыи хто* (на самом деле *таковыихто* – 2 раздел 11 артикул), *кровныхъ близкихъ* (*кровныхъ и бликихъ* – 3-17), *выдеючыи* (*выдаючыи* – 4-19) и др.; 3-е незаслуженно обвиняется в написаниях *иллюхтичу* (*шл гахтичу* – 3-35), *сознали* (*сознати* – 4-48), *присужоно быти мають* (*присужоно быти маеть* – 7-23) и др. – подобные неточности в текстологических наблюдениях Лаппо исчисляются десятками.

Работа по подготовке „критического” издания Статута длилась около двух десятилетий. Как книга, рассчитанная на конкретного адресата - специалиста по истории права - публикация Лаппо остается непревзойденной. Как материал для исследователя языка Великого княжества - делает большой шаг вперед по сравнению с изданием МОИИДР, но, как видим, оставляет желать лучшего.

В конце 80-х годов нашего века научная общественность Беларуси готовилась к встрече 400-летней годовщины выхода Статута в свет. Юбилей этот ознаменовало шестое - энциклопедическое - издание ЛС. В отличие от публикации Лаппо, потерявшей „в значительной мере ценность”²⁶ вследствие выбора не „того” источника, юбилейное издание в этом отношении критических отзывов не дождалось. Между тем, его анализ показывает, что воспроизводи-

²⁵ И. И. Лаппо, *op. cit.*, т. 2, с. XLVII.

²⁶ Ю. А. Лабынцев, „*Статут Великого княжества Литовского*”... , с. 78.

мый фотографически текст также вряд ли отвечает требованиям „европейской методологии”, поскольку отражает несуществующий сводный экземпляр книги, собранный из листов трех изданий. Весьма расплывчатую редакторскую фразу - „У книзе змешчаны ілюстрацыі тэкста Статута із Дзярж. Публічнай бібліятэкі імя М. Я. Салтыкова-Шчадрына (Ленінград)” - следует понимать так: основой для публикации послужил экз. ГПБ 1.2.7^Б, сложенный позднейшим переплетчиком из листов 1-го (л. 10-15, 20-30б) и 2-го (л. 1-9²⁷, 16-19) изданий. А поскольку последних двух листов в указанной книге не оказалось, пришлось обратиться к иному статутному экземпляру - скорее всего - ГПБ 1.2.8. И здесь выбор был не самый удачный: последний - 308-й - лист книги снова оказался „инородным”: представлял мамоничевский „продукт” 1600 года - 3-е издание ЛС. „Чистоте” воспроизводимого 1-го издания мешают также исправления ошибочных мест, сделанные одним из прежних владельцев книги - поправки по тексту чернилами, подчас настолько удачные, что на фотографии не видно постороннего вмешательства: **ω ображеньє** (вместо ошибочного, но естественного для 1-го издания **и ображеньє** - 1-14), **єсти примусиль** (**єсли примусиль** - 1-24), **проходы** (**порходы** - 1-29), **ωзнаменыхъ** (**ωзайменыхъ** - 2-23), где **хто пехочеть** (**где хто похочеть** - 3-32), **суды ... ѿправовати будуть** (**суды ... ѿправовати будемь** - 4-7), **вр адү нашого** (**вр адү натого** - 4-30), **зъ имень а** (**зъ именью** - 6-8) и т. п.

Впрочем, эти недостатки в выборе книжного объекта для фотокопирования не ставят под сомнение важности самого издания, солидности помещенного здесь исследовательского комментария, многообразия в ракурсах освещения статутных характеристик - юридических, исторических, лингвистических, книговедческих и многих др.

Поиски не только точного, но и оптимального для представителей разных научных дисциплин способа передачи статутного текста привели издателей к решению воспроизвести его в трех вариантах: „мамоничевском”, т.е. фотографическом; наборном, „адаптированном” к современной графике и несколько упрощенном;

---

²⁷ Восьмой лист с текстом королевской привилегии на латинском языке отсутствует.

и, наконец, в переводе на современный язык. Наличие богатого справочного аппарата делает это издание действительно энциклопедическим.

Но лингвистическим его мешают назвать три обстоятельства - упомянутые „комбинации” с выбором книжного источника, отсутствие данных о вариантах набора и (мечта каждого, кто занимается анализом рукописных и старопечатных текстов) словоуказателя. А, значит, будущим исследователям и издателям Статута есть над чем работать. „Драгоцѣнный во многихъ отношеніяхъ”²⁸ памятник письменности и культуры этого заслуживает.

В заключение, адресуя читательское внимание к приложению, позволю вместо сопутствующего комментария подчеркнуть некоторые особенности мамоничевских изданий, прослеживаемые в предлагаемых фрагментах. ЛС-1 и ЛС-2 в отличие от ЛС-3 характеризуются: употреблением ъ и ь в зависимости от твердости-мягкости предшествующего согласного, отсутствием смешения этих букв; разграничением є („обычного”) и є-широкого (йотированного); бóльшей последовательностью в отражении процессов отвердения Р; флективной устойчивостью глагольных форм; разницей в трактовке и частотности использования надстрочных знаков (в первопечатном мамоничевском тексте „паерик” вместо „маркирующей” точки в слове ѿбосланья проставлен ошибочно).

П р и л о ж е н и я²⁹

1-е мамоничевское издание (1588)

А поветресѣ моровое, такъ само собою кромъ ѿбосланья вымовлаеть, а ведже тотъ которы” се хоробою закрываеть, потому на другихъ рокохъ за прыпозваньемъ стороны поводовое, маеть прысагнути ако правдиве немоцо” быль.

²⁸ Слова из письма литовского митрополита Иосифа Семашко (см.: А. И. Милонидовъ, *Описание славяно-русскихъ старопечатныхъ книгъ виленской публичной библиотеки*, Вильна 1908, s. 21).

²⁹ Воспроизводимый фрагмент Статута взят из второго артикула первого раздела. Старопечатные тексты переданы с некоторым опрощением оригинальной графики, выраженным в унификации многочисленных вариантов букв, различающихся т о л ь к о в написании, по форме.

2-е мамоничевское издание (1591-92)

**А поветрее моровое, такъ само собою кромь ѿБосланья вы-
мовлаеть, а ведже тотъ которы^н се хоробою закрываеть, потомъ
на другихъ рокохъ за прыпозваньемъ стороны поводовое, маеть
прысагнути ако правдиве немоцо^н быть.**

3-е мамоничевское издание (1600)

**А поветрие моровое такъ само собою кромь ѿБосланья
вымовлаеть, а ведже тотъ которыи се хоробою закрываеть, по-
томъ на другихъ рокохъ за припозваньемъ стороны поводовое,
маеть присегнути ако правдиве немоцонъ быть.**

4-е – „новое” – издание МОИИДР (1854)

А поветрее моровое такъ само собою кромь обосланья
вымовляетъ, а ведже тотъ которыи се хоробою закрываеть, по томъ
на другихъ рокахъ за припозваньемъ стороны поводовое, маеть
присегнути яко правдиве немоцонъ быть.

5-е – „критическое” – издание Лаппо (1938)

А поветрее³⁰ моровое так само собою, кром обосланья,
вымовляетъ. А вед же тот, который се хоробою закрываеть, потомъ
на другихъ рокохъ за прыпозваньемъ стороны поводовое маеть
прысягнути³¹, яко правдиве немоцон был.

6-е – энциклопедическое – издание (1989)

**А поветрее моровое, такъ само собою кромь ѿБосланья
вымовлаеть, а ведже тотъ которы^н се хоробою закрываеть,
потомъ на другихъ рокохъ за прыпозваньемъ стороны
поводовое, маеть прысагнути ако правдиве немоцо^н быть.**

А поветрее моровое так само собою, кром обосланья,
вымовляетъ. А вед же тот, который се хоробою закрываеть, потомъ
на другихъ рокохъ за прыпозваньемъ стороны поводовое маеть
прысягнути, яко правдиве немоцон был.

---

³⁰ Поветрие.

³¹ Присегнути.